

МАРИНА ИЗОРИЯ

Доктор Социальных наук, ассистент профессор Сухуского Государственного Университета (Грузия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.15>

Введение. Борьба за многополярное управление миром набирает обороты в международных отношениях. Оно приближает нас осознанию происходящих в мире процессов. Сущностное содержание концепции многополярности раскрывается через ее осмысление с позиций реализма, неореализма, цивилизационного подхода, регионального подхода, либерализма и конструктивизма. С позиций реализма многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера. Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее влияние на поведение государств. Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. Региональный подход акцентирует внимание на усиливающихся процессах регионализации, создании региональных интеграционных систем, которые в условиях роста потенциала региональных держав и ослабления позиции США в мире способствуют формированию многополярности. Либерализм, в первую очередь, стремится оценить влияние многополярности на стабильность и безопасность международной среды. Наряду с предсказуемым отношением к многополярности как угрозе миру и безопасности существует иная, более оптимистичная точка зрения. Конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и проект ряда государств, в первую очередь России. Полученные выводы позволяют взглянуть на многополярность с разных сторон, приблизиться к комплексному и объективному пониманию данного феномена.

Ключевые слова: *многополярный мир, концепция многополярности, полицентризм, мировой порядок, центры силы, баланс сил, цивилизации, внешнеполитический дискурс*

Опасения по поводу меняющегося мирового порядка возросли по мере того, как мы переходим от однополярного мира, в котором доминировали Соединенные Штаты после окончания Холодной войны, к более фрагментированному, многополярному ландшафту. Подъем новых держав — среди них Китай, Индия, Турция, Бразилия, Иран — ознаменовал начало того, что многие считают эрой многополярности. Для некоторых это вселяет надежды на более сбалансированную международную систему, в то время как другие опасаются, что многополярность вызовет нестабильность, поскольку конкурирующие интересы столкнутся без единой направляющей руки. Вопрос не только в том, неизбежна ли многополярность; вопрос в том, является ли она по своей сути дестабилизирующей. История многополярных систем в лучшем случае неоднозначна, часто отмечена конфликтами и конкуренцией. Однако исторический прецедент «Европейского концерта» предлагает интригующую модель управления сегодняшней формирующейся многополярностью посредством баланса сил, сотрудничества и, что особенно важно, сдержанности. Современное согласие держав могло бы помочь ведущим государствам мира сосуществовать без бесконечного интервенционизма, который рискует превратить многополярность в опасную вседозволенность.

Чтобы понять сегодняшнюю нестабильность, стоит поразмышлять об уникальных условиях, которые возникли после Холодной войны, когда США стали непревзойденной сверхдержавой мира. Однополярный момент

Америки распространил либеральные демократические ценности и рыночный капитализм по всему миру, подпитываемый оптимизмом нового мирового порядка. Но пока Запад праздновал «конец истории», эти ценности встречали сопротивление во многих частях мира. Попытки универсализировать западные нормы — от открытых рынков до демократического управления — часто сталкивались с традиционными или авторитарными структурами, вызывая сопротивление со стороны государств, которые считали эти изменения несовместимыми со своими собственными интересами.

Эта культурная волна глобализации вызвала сложную реакцию. В развивающихся странах некоторые приняли западные символы успеха, в то время как другие считали их иностранным навязыванием. Националистические движения набирали обороты, часто реагируя на ощущение того, что глобальная интеграция непропорционально выгодна элитам, оставляя других позади. Интернет усилил эти разногласия, дав лидерам возможность сплотить свое население вокруг националистических или антизападных нарративов. Это раскололо глобальный ландшафт, приблизив мир к многополярной конфигурации. Проблема, как показывает история, заключается в том, что многополярность часто порождает нестабильность. Когда несколько держав борются за положение без единого доминирующего лидера, соперничество усиливается, формируются альянсы, а просчеты становятся дорогостоящими. Запутанные альянсы, которые привели к Первой мировой войне, являются классическим примером. Сложная сеть двусторонних обязательств между такими державами, как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Франция и Великобритания, создала хрупкую систему, в которой один инцидент — убийство эрцгерцога Франца Фердинанда — спровоцировал глобальную войну. Сегодня подобные двусторонние соглашения возникают, поскольку такие государства, как Китай и Россия, отдают предпочтение выборочным стратегическим партнерствам вместо всеобщих альянсов, что увеличивает риски.

Тем не менее, история также дает модель управления многополярностью, не попадая в

ловушку неизбежного конфликта: Европейский концерт. После Наполеоновских войн великие державы Европы создали структуру для балансирования сил и разрешения споров, стремясь не допустить доминирования какой-либо одной державы. В течение почти столетия Концерт Европы сохранял относительный мир на континенте, предоставляя форум, на котором государства вели переговоры по интересам и разрешали конфликты, не прибегая к войне. Концерт не был идеальным — в конечном итоге он распался — но он показывает, что многополярностью можно управлять, если державы привержены сотрудничеству, балансу и взаимному уважению. Эта концепция «концерта держав» хорошо подходит для сегодняшнего мира с его диффузией центров силы и сложным соперничеством. Современный концерт держав, основанный на сдержанности, мог бы предложить прагматичную основу для многополярной стабильности. Вместо того чтобы полагаться на глобальные институты или идеологические крестовые походы, он бы подчеркивал сотрудничество между крупными державами, поощряя государства уважать сферы влияния друг друга и избегать односторонних вмешательств. В этой модели сдержанность стала бы руководящим принципом, ограничивающим конфликты и поощряющим дипломатические решения.

Одной из ключевых проблем многополярности является то, что международные институты часто с трудом поспевают за раздробленными структурами власти. Организация Объединенных Наций и Европейский союз были созданы для мира общих обязательств, однако по мере того, как державы отдают приоритет своим национальным интересам, эти институты становятся менее эффективными. Например, во время гражданской войны в Сирии конкурирующие повестки дня среди государств отодвинули на второй план многосторонние решения, а в ЕС такие страны, как Венгрия и Германия, отклонились от коллективной политики для защиты своих национальных интересов. Концерт держав признал бы эти ограничения, предоставив форум, на котором наиболее влиятельные государства ведут прямые переговоры, уравнивая интересы, не ожидая, что все участники будут

придерживаться универсального стандарта.

Многополярность также способствует новому виду культурной конкуренции, поскольку восходящие державы утверждают свои собственные ценности и приоритеты. Действия Китая в Южно-Китайском море, например, коренятся в стремлении утвердить региональное господство, в то время как военные действия Турции против курдских группировок демонстрируют, как национальные интересы часто перевешивают более широкую стабильность. В рамках соглашения держав сдержанность будет означать, что каждая держава уважает основные интересы других, избегая политики, которая провоцирует антагонизм. Многополярная система без сдержанности рискует эскалацией этих культурных и территориальных конфликтов, но согласованный подход может смягчить такие опасности, подчеркивая прагматичные границы. Другим дестабилизирующим фактором в многополярности является тенденция государств легитимировать свое правление, представляя внешние державы как угрозы. Например, балансирование Турции между НАТО и БРИКС усиливает ее региональное влияние, одновременно скептически выставляя западные альянсы. Риторика Китая о суверенитете на Тайване и в Южно-Китайском море консолидирует националистическую поддержку, представляя иностранные державы как экзистенциальные угрозы. Однако подход «концерта держав» будет способствовать прозрачности и диалогу между ведущими государствами, уменьшая необходимость в конфронтационном позировании и помогая поддерживать стабильность.

Исторически многополярность часто приводила к крупномасштабным конфликтам, но «концерт держав» предлагает способ разорвать этот цикл. Способствуя прямому общению и совместному решению проблем между ведущими государствами мира, «концерт» может предотвратить выход соперничества из-под контроля. Целью будет не полное исключение конкуренции — конкуренция неизбежна в международных отношениях, — а управление ею, не позволяя напряженности перерасти в открытый конфликт. Сдержанность в этом контексте подразумевает ограничение вмешательства случаями явного на-

ционального интереса, а не рефлексивное реагирование на каждый глобальный кризис. В «концерте» крупные державы могли бы сосредоточиться на поддержке региональной стабильности, не вторгаясь в сферы влияния друг друга. Это потребует фундаментального перехода от глобального рефлекса полицейского надзора, который был характерен для большей части эпохи после Холодной войны, к более взвешенной, регионально ориентированной стратегии.

Современный «концерт держав» также будет способствовать стратегической гибкости в альянсах. Вместо того чтобы связывать себя жесткими обязательствами, государства могли бы формировать партнерства, которые оставляют место для компромисса и деэскалации. Внешняя политика Китая является примером того, как это может выглядеть; он взаимодействует с государствами на индивидуальной основе, поддерживая отношения, не связывая себя каждым спором. В многополярную эпоху такая гибкость предотвращает формирование враждебных блоков и дает державам передышку для управления напряженностью.

Многополярность, уравновешенная согласием держав и приверженностью сдержанности, может даже создать новые пути для сотрудничества. Идея о том, что одно государство должно упасть, чтобы другое поднялось, устарела; многополярность предполагает, что несколько держав могут сосуществовать и развиваться одновременно. Исследования в области теории игр и международных отношений показывают, что многополярные системы могут способствовать сотрудничеству, когда государства признают взаимные интересы. Пандемия COVID-19 выявила как риски, так и возможности взаимозависимости. Координируя усилия для решения общих проблем, таких как глобальные кризисы в области здравоохранения или изменение климата, согласие держав может превратить многополярность в стабилизирующую силу, а не в катализатор конкуренции.

Многополярность несет реальные риски, но она также дает шанс построить более сбалансированную международную систему. Альтернатива — эскалация цикла соперничества и вмешательства — скорее всего, при-

ведет нас обратно к нестабильности, которая была характерна для предыдущих многополярных эпох. При правильном подходе многополярность может превратиться в эпоху конструктивного взаимодействия, где державы уравнивают свои амбиции чувством ответственности. В этот критический момент основные мировые игроки сталкиваются с выбором: позволят ли они многополярности скатиться в хаос или возродят дух Европейского концерта, способствуя концерту держав, основанному на сдержанности и взаимном уважении? В многополярную эпоху мера великой державы может заключаться не в ее способности доминировать, а в ее готовности проявлять сдержанность.

Стратегия Китая по управлению миром

Вступление Китая в международную систему должно было ознаменовать начало эпохи сотрудничества между либеральным порядком и коммунистической партией. Вместо этого Пекин посредством своей внешней и военной политики планирует создать международный «цивилизационный нарратив», который является высшей, единой и стабильной системой управления. До конца периода Воюющих царств Китай не считался единой страной. Период «Воюющих царств» был временем социальных и политических изменений, поскольку Китай был разделен на семь государств, которые находились в состоянии постоянной войны друг с другом. Этот период характеризовался беспорядками, нестабильностью, конфликтами, разобщенностью и войнами между местными правителями. Первой династией, которая объединила регион под единым правительством, была династия Цинь в 221 г. до н. э. Династия Цинь объединила враждующие государства и принесла стабильность посредством военной, манипулятивной и принудительной дипломатии. Сегодня Китай рассматривает международную систему как враждующие государства, характеризующиеся несостоявшимися государствами, этническими конфликтами, межгосударственными и внутригосударственными конфликтами, фрагментацией, нестабильностью и полити-

кой силы. Китай хочет повторить политику и стратегии Цинь, превратив демократический порядок и послушные авторитарные режимы в свои вассальные государства с помощью мягкой силы и «Одного пояса, одного пути». Китай планирует экспортировать мягкую версию своей коммунистической идеологии. Тысячелетняя цель Китая — свергнуть демократический порядок мирными и разъединяющими средствами. Китай распространяет свой нарратив посредством принудительной дипломатии, пропагандистских и дезинформационных кампаний, легитимизирующих китайское авторитарное управление, окутанное историческими ценностями и идеалами. Его цель — изменить демократическое управление, нормы и устоявшийся мировой порядок, основанный на правилах, и заменить его китайской версией нелиберального порядка и авторитарного правления. Китай проникает в демократические страны, такие как Польша, Греция, Великобритания и Италия, покупая или инвестируя в компании и критически важную инфраструктуру, такую как порты, и участвуя в торгах на контракты на сети 5G. Китайские компании, ведущие бизнес за рубежом, связаны с коммунистической партией или Народно-освободительной армией. С помощью этих компаний и технологий 5G Китай сможет собирать и собирать разведанные для дипломатических и торговых переговоров, начинать кибервойну против критически важной инфраструктуры и секретных правительственных сетей, собирать конфиденциальную информацию от компаний, запускать кампании по дезинформации и понимать планы ведения войны и военную готовность принимающих государств. Соединенные Штаты Америки (США) запретили Huawei, поскольку страна считает компанию угрозой национальной безопасности. Многие страны мира, вероятно, запретят китайским компаниям инвестировать в такие критически важные сферы, как оборона и телекоммуникации.

Принудительные и непрозрачные инструменты дипломатии были неотъемлемой частью внешней политики Китая. Китай ведет информационную войну, скрывая, искажая и фабрикуя информацию, а также распространяя ложные новости. Под руководством

президента Си Цзиньпина дипломатическая служба, армия, академические круги, СМИ и деловое сообщество работают над продвижением цивилизационного нарратива. Китай не принимает международные правила; вместо этого он работает над подрывом и заменой либерального порядка правилами, соответствующими его интересам. Коммунистическая партия работает над созданием мира, ориентированного на Китай.

Внешняя политика Китая лишена прозрачности и общих ценностей. Министерство иностранных дел Китая говорит о мирном сосуществовании, но, с другой стороны, нарушает международные законы и конвенции. Китай строит военную инфраструктуру в Южно-Китайском море, регионе, на который также претендуют Вьетнам, Филиппины, Бруней и Индонезия. Китай имеет злобный разговор как часть своей внешней политики. Его стратегия заключается в том, чтобы создать кризис или спор со страной, разыграть карту жертвы, обвинить другую страну, а затем добиваться уступок. Когда страна начинает дипломатический протест против Китая за нарушение международного права, Китай отвечает враждебностью. В ответ коммунистическая партия начинает едкую кампанию против страны с помощью различных средств, таких как экономическое принуждение и подстрекательство китайских граждан бойкотировать товары, импортируемые из страны.

Стратегия Китая заключается в экспорте мягкой силы через государственное строительство в бедных странах и авторитарных государствах. В качестве услуги за услугу Китай ожидает их поддержки против демократического порядка в международных и многосторонних организациях. Союзниками Китая являются и социалистические страны, такие как Камбоджа, Иран, Северная Корея, Судан, Пакистан, Зимбабве, Венесуэла и Сербия Грузия. Китай продает технологии, тем самым укрепляя свое влияние во многих регионах мира. Китай стремится также привлечь на свою сторону малые страны Африки, Центральной и Восточной Европы.

Международный демократический порядок возглавляется США, членами которого являются европейские государства, Индия,

Япония и Австралия. Страны, которые рассматривают Китай как общую угрозу, также являются частью демократического порядка. К ним относятся полудемократические страны, такие как Сингапур и Вьетнам. Именно на демократической стороне происходит производительность, изобретения и достижения в области технологий. Верховенство закона гарантируется институциональной структурой живой конституции, свободной и бдительной прессы, свободных и справедливых выборов, демократических вооруженных сил, независимой судебной системы и парламента и президентской формы демократии. Демократический порядок гарантирует коллективную безопасность и соответствует международным законам, правилам и положениям. Демократически избранные правительства несут ответственность и подотчетны народу. По сравнению с коммунистической идеологией демократические институциональные структуры являются мощным связующим фактором для национального государства.

На протяжении всей истории мировые державы были экономически и в военном отношении самодостаточными. Хотя Китай считается второй по величине экономикой в мире, ему не хватает собственных военных и коммерческих производственных мощностей.

В последние годы Китай наращивает усилия для укрепления своего влияния в мире, продвижения своих интересов и создания благоприятных внешних условий для своего развития. Однако слабая «сила дискурса» стала узким местом политики Китая на мировой арене, что, по нашему мнению, отражает недостатки комплексной стратегии «мягкой силы» государства. В настоящее время данная слабость проявляется в том, что мультимедийные технологии китайских СМИ распределены неравномерно по сравнению с западными; основные ценности обеих стран находятся под давлением сильного дискурса Запада; а прогресс Китая часто оспаривается и очерняется западными СМИ.

При наличии возможности избирать своих лидеров в авторитарных государствах подавляющее большинство электората проголосует за демократию. Доверие и авторитет между правительством и управляемыми, которые

приносит демократический порядок, превосходят авторитарную, навязчивую и скрытную форму китайского управления. Мировые войны велись для установления демократии и мирного сосуществования. Эпоха после 1945 года ознаменовалась установлением демократического порядка, коллективной безопасности и международных организаций. Тем не менее, были острова авторитарного правления среди океана демократий. Страны Восточной Европы и Южной Америки испытали на себе принудительные методы авторитарного правления. Предпочтение людей демократическому порядку привело к распаду Советского Союза и Варшавского договора. Исторически лидеры в США и Индии боролись за независимость от колониальных правителей. В 21 веке лидеры были заменены мощными национальными государствами во главе с демократическими обществами с мощными армией и международными организациями для защиты от возможного натиска авторитаризма. КНР планомерно ведет свою внешнюю и внутреннюю политику постепенно расширяя круг стран стремящихся быть в геополитическом альянсе с Китаем.

После Второй мировой войны авторитарные режимы прибегали ко всем возможным методам, от экспорта мягкой силы до вторжений, но были сорваны демократическим порядком. Исключительность США гарантировала международную безопасность в эпоху после холодной войны. США возглавляют либеральный международный порядок, осно-

ванный на общих ценностях. Глобальный мир поддерживался присутствием и проекцией мощи КНР и США по всему миру.

Китайская концепция и стратегия применения «мягкой силы» для создания привлекательного образа страны. В условиях острой борьбы за глобальное и региональное лидерство одним из ключевых инструментов внешней политики Китая стала «мягкая сила», основанная, прежде всего на привлекательности национального языка и культуры. Распространяя свой язык и культурные коды в культурное пространство других стран, Китай стремится укрепить свой позитивный образ. Западный по происхождению концепт «мягкой силы» в Китае был переосмыслен. В начале XXI в. наращивание «мягкой силы» через создание сети Институтов Конфуция представлялась Китаем как политика взаимного выигрыша на международной арене. После прихода к власти Си Цзиньпина «мягкая сила» культуры в качестве ресурса и инструмента внешнего влияния Китая уходит с фронта политической повестки. Внешнеполитический вектор «мягкой силы» культуры перенаправляется вовнутрь, а культура, которая ещё недавно открыто действовала как драйвер «мягкой силы» во внешней политике, переходит на внутренний трек и вписывается в концепцию «четырёх уверенностей» и «двойной циркуляции», делая акцент на качественной составляющей, при этом сохраняя свою высокую внешнеполитическую значимость для китайского руководства.

Литература:

- [1]. Zinevich O.V., Selezneva N.V. China's New Soft Power Strategy. MGIMO Review of International Relations. 2022;15(6):36-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>
- [2]. lekseeva, T. (2017). Theory of international relations in the mirrors of «Scientific pictures of the world»: What's next? Comparative Politics Russia, 8(4), 30-41. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41
- [3]. Degterev D.A. Multipolarity or “New Bipolarity”? // RIAC. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (date of access: 01.02.2021).
- [4]. Thompson J., Pronk D., Van Manen H. Geopolitical Genesis: Dutch Foreign and Security Policy in a Post-COVID World // Hague Centre for Strategic Studies. 2021. URL: <https://hcss.nl/report/strategic-monitor-2020-2021-geopolitical-genesis/> (accessed: 04.05.2021).
- [5]. Alekseenko O. A. Globalization and regionalization as defining trends in the process of formation of a polycentric system of international relations // Bulletin of Moscow University. Series 12:

Political sciences. 2015. No. 3. P. 28-33 Butenko V. A., Mohammadi Sh. Regionalization and the «new» regionalism // Law and Politics. 2020. No. 7. P. 105-113.

MARINA IZORIA

Doctor of Social Sciences, Assistant Professor, Sukhumi State University (Georgia)

GEOPOLITICAL STRUGGLE FOR A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Summary

The struggle for multipolar governance of the world is gaining momentum in international relations. It brings us closer to understanding the processes taking place in the world. The essential content of the concept of multipolarity is revealed through its comprehension from the positions of realism, neorealism, civilizational approach, regional approach, liberalism and constructivism. From the position of realism, multipolarity can be considered as an objective reflection of global development trends. The foundation of multipolarity is the growth of economic, military, political potential of non-Western powers and the weakening position of the United States as a global leader. Neorealism considers multipolarity as a property of the international system that influences the behavior of states. The civilizational approach focuses on defining civilizations as new actors and centers of power on the world stage. The regional approach emphasizes the intensifying processes of regionalization, the creation of regional integration systems, which, in the context of the growing potential of regional powers and the weakening position of the United States in the world, contribute to the formation of multipolarity. Liberalism, first of all, seeks to assess the impact of multipolarity on the stability and security of the international environment. Along with the predictable attitude towards multipolarity as a threat to peace and security, there is another, more optimistic point of view. Constructivism views multipolarity as a foreign policy discourse and project of a number of states, primarily Russia. The findings allow us to look at multipolarity from different angles, to come closer to a comprehensive and objective understanding of this phenomenon.

Concerns about the changing world order have grown as we move from the unipolar world dominated by the United States after the end of the Cold War to a more fragmented, multipolar landscape. The rise of new powers – among them China, India, Turkey, Brazil, Iran – has marked the beginning of what many see as an era of multipolarity. For some, this raises hopes for a more balanced international system, while others fear that multipolarity will breed instability as competing interests collide without a single guiding hand. The question is not just whether multipolarity is inevitable; the question is whether it is inherently destabilizing. The history of multipolar systems is mixed at best, often marked by conflict and competition. However, the historical precedent of the Concert of Europe offers an intriguing model for managing today's emerging multipolarity through the balance of power, cooperation and, crucially, restraint. A modern consensus among powers could help the world's leading states coexist without the endless interventionism that risks turning multipolarity into a dangerous permissiveness.

To understand today's instability, it's worth reflecting on the unique conditions that emerged after the Cold War, when the United States emerged as the world's unrivaled superpower. America's unipolar moment spread liberal democratic values and market capitalism around the world, fueled by the optimism of a new world order. But while the West celebrated the "end of history," these values were resisted in many parts of the world. Attempts to universalize Western norms—from open markets to democratic governance—often collided with traditional or authoritarian structures, provoking resistance from states that saw these changes as incompatible with their own interests.